

6. Ilinskaya, A. S. Grammaticheskie markeri emocionalnosti v angliiskom yazike : avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk : 10.02.04 / A. S. Ilinskaya ; Barnauls. gos. pedagog. un-t. – Barnaul : Azbuka, 2007. – 19 p.

7. Piotrovskaya, L. A. Emotivnie viskazivaniya v sovremennom russkom yazike / L. A. Piotrovskaya // Russkii yazik : ucheb. posobie k speckursu. – SPb, 1993. – 72 p.

8. Shakhovskiy, V. I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyika [Categorization of emotions in lexico-semantic system of language]. / V. I. Shakhovskiy – Voronezh, 1987. – P.78–103.

9. Shakhovskiy, V. I. Emotivnost i leksikografiya [Emotiveness and lexicography] / V. I. Shakhovskiy // Philological Sciences. – 1986. – № 6. – P.42–47.

10. Shakhovskiy, V. I. Emotivniy komponent znacheniya i metodi ego opisaniya [Emotive component of meaning and methods of its description] / V. I. Shakhovskiy – Volgograd, 1983. – 267 c.

Н. В. Васильева

Институт языкознания РАН, Москва

СУГГЕСТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РИТОРИЧЕСКОГО ПРИЕМА *ENUMERATIO*

Резюме. На материале современных фикциональных текстов рассматривается один из видов риторического приема перечисления (лат. *enumeratio*) – координативное перечисление собственных имен (СИ). Целью статьи является анализ суггестивного механизма этого приема. В результате проведенного исследования выявляются следующие факторы, влияющие на силу суггестии: 1) каталогизация как ментальная операция «наведения порядка», 2) референциальный статус собственных имен, участвующих в перечислении (воплощенные СИ vs. невоплощенные СИ, по А. Гардинеру), поддержанный наличием у СИ признака интертекстуальности. В качестве отдельного вида перечисления рассматривается неймдроптинг как особый тип дискурсивного поведения.

Ключевые слова: риторический прием перечисления, *enumeratio*, собственные имена, суггестивный механизм, неймдроптинг

N.V. Vasilyeva

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

THE SUGGESTIVE MECHANISM OF *ENUMERATIO* AS A RHETORICAL DEVICE

Abstract. *The rhetorical device of enumeratio is considered on the example of coordinate enumeration of proper names in modern fiction. The suggestive mechanism of enumeratio is due to 1) cataloguing as a mental operation of «restoring order», 2) the referential status of proper names (embodied vs. disembodied proper names, according to Alan Gardiner), combined with the parameter of intertextuality. Finally, the device of namedropping is considered as a type of enumeratio in connection with special discursive behavior.*

Key words: *rhetorical device, enumeratio, proper name, suggestive mechanism, namedropping*

Перечисление (лат. термин *enumeratio*) в классической риторике является фигурой или риторическим приемом, в котором могут участвовать разные части речи. Принято выделять два вида этой фигуры – координативное и субординативное перечисление, т.е. перечисление с сочинительной или подчинительной связью (Lausberg, 1990: 97–99). Как и другие риторические «фигуры прибавления», т.е. приемы, связанные с амплификацией текстового сообщения, прием перечисления во всех своих вариантах, помимо эстетической, имеет функцию речевого воздействия. При нарушении количественной меры, как это хорошо известно, такого типа приемы ведут к перцептивным сбоям. Поэтому некоторые исследователи определяют перечисление только как вид синтаксического плеоназма (Москвин, 2006: 232). На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку учитывается только один из видов фигуры, а именно тот, в котором превышена мера.

На примерах из текстов современной русской прозы и поэзии будет рассмотрена риторическая фигура *enumeratio*, составляющими которой являются собственные имена, связанные сочинительной связью (координативное перечисление). С помощью описательного метода и аналитического обобщения мы выделим признаки, которые формируют суггестивный механизм этого приема.

Фасцинирующее действие этой фигуры, если ее формируют собственные имена, оказывается очень сильным. В. М. Калинин, рассматривая пушкинские эпиграммы, построенные на *enumeratio*, говорит о «“неизъяснимой наглядности” перечня имен как фигуры речи» (Калинкин, 2009: 70). Также отмечалась особая роль именных списков в структуре нарратива, ср.: «В истории мировой литературы были писатели, которые мастерски составляли списки, в том числе списки собственных имён. Эта традиция идёт от Гомера, а если говорить о современности, достаточно назвать имена Набокова, Сэлинджера и Стругацких. Именно после них стало ясно, что, скажем, список одноклассников может стать художественной прозой» (Кронгауз, 2018: 357). Представляется, однако, что для объяснения фасцинативной силы этого приема недостаточно только филологического анализа. Чтобы постичь тайну перечисления, следует учесть некоторые свойства человеческой психики и обратиться к философии и семиотике. Так, в частности, поступила В. К. Харченко, заинтересовавшись разного рода «списками» внутри художественного текста. Свой анализ она предварила замечанием Умберто Эко о списке как исходной точке культуры и о том, что списки помогают держать в узде хаос (Харченко, 2016: 137). Этот впечатляющий тезис о наведении порядка с помощью «удержания в узде хаоса» позволяет сразу особо выделить **каталогизацию как ментальную операцию** и поставить ее на первое место при анализе суггестивного механизма рассматриваемого приема.

Обратимся к текстам, содержащим цепочки имен собственных. СИ, включенные в текст, предполагают – в стандартных случаях – узнавание имени адресатом. Поэтому эффект воздействия на адресата будет прежде всего связан с **референциальным статусом СИ**, т.е. с соотношением имен и их референтов/денотатов. Для ономастики текста важна классификация, идущая от Алана Гардинера и описывающая СИ при помощи дихотомического признака воплощенности/невоплощенности (*embodied vs. disembodied proper name*) (Gardiner, 1954). Воплощенным считается СИ,

«прикрепленное» к конкретному носителю (*Уильям Шекспир*), невоплощенным – имя как слово языка (*Уильям* как английское личное имя). Как мы далее покажем на примерах, перечисление воплощенных и невоплощенных имен действительно имеет различный стилистический эффект. Так, перечисление **воплощенных имен** помогает реализовать в художественном тексте одну из важных нарративных функций СИ, а именно функцию создания и поддержания иллюзии повествования (нем. термин *Illusionierung*, ср. Lamping, 1983: 29–39). Существуют различные текстовые способы, направленные на то, чтобы читатель поверил в реальность мира текста, в частности, в реальность персонажей. Так, в романе Марселя Пруста есть вымышленный персонаж – актриса Берма (Berma). Имя этого персонажа вводится в текст при помощи фигуры перечисления в одном ряду с настоящими актрисами: «Je classais par ordre de talent les plus illustres: Sarah Bernhardt, la Berma, Bartet, Madeleine Brohan, Jeanne Samary, mais toutes m'intéressaient» (Пруст, 1976: 158), «Имена наиболее знаменитых артистов шли у меня в списке по степени их одаренности: Сара Бернар, Берма, Барте, Мадлена Броан, Жанна Самари, но интересовали меня все» (Пруст, 2010: 120). В этом коротком фрагменте текста повествователь с помощью фигуры перечисления смешивает мир реальности и мир текста и заставляет читателя поверить, что Берма – такая же актриса, как всем известная Сара Бернар (в оригинале статус известности Берма подчеркивается употреблением определенного артикля).

Детальный анализ состава и порядка следования воплощенных имен в фигуре перечисления позволяет выявить одну из творческих доминант поэта. Так, К.С. Федотовой удалось обнаружить, что в поэтических текстах Николая Гумилева внутри перечня «поэтонимы организованы определенным образом и, как правило, главным (ключевым) в ряду имен является последний поэтоним» (Федотова, 2017).

Невоплощенные имена, несущие в себе потенциальную референциальность, связаны в сознании носителя языка с определенными признаками (пол, этнос, время), т.е. представляют собой особые ономастические импликатуры,

см. (Васильева, 2015). Поэтому, например, название спектакля московской Школы драматического искусства «Катя, Соня, Поля, Галя, Вера, Оля, Таня...» (режиссер Дмитрий Крымов) вполне определенно настраивает зрителя на то, что действующими лицами будет много молодых девушек (на это указывает краткая форма имен) и, скорее всего речь пойдет о любви (действительно, это спектакль по мотивам бунинских «Темных аллея»). Известная в свое время песенка «Женюсь, женюсь» (слова Б.Окуджавы, музыка И.Шварца), исполняемая Андреем Мироновым, содержит перечень имен неких подружек, которым собирающийся жениться герой говорит до свидания (но не прощается):

*Иветта, Лизетта, Мюзетта,
Жанетта, Жоржетта,
Колетта, Полетта, Кларетта,
Флоретта, Мариетта...*

Воплощенными эти имена могут быть только для героя, от имени которого исполняется песня. Для слушателя же эти имена являются невоплощенными. Однако сама форма имен, настойчивость единого (и довольно легкомысленного) форманта *-етта*, прием асиндетона, не предполагающий конца списка, – все это настраивает слушателя на определенную ситуацию.

Именам собственным может быть присущ еще один референциальный статус – **автонимность**, когда референция производится не к экстралингвистическому объекту, а к самому языковому выражению, ср. *Париж состоит из пяти букв. Евлалия – греческое имя*. Перечисление имен в статусе автонимности предоставляет также интересные возможности для поэтической рефлексии, ср.:

*Светофор. Это странное имя.
Светофор. Святослав. Светозар* (Белла Ахмадулина. Светофоры)

Остановимся далее на особом типе перечисления, обозначаемым заимствованным из английского языка термином **неймдроппинг**. Необходимость в особом термине возникла из специфики данного типа перечисления имен,

которое связано с дискурсивным поведением и с определенной самопрезентацией говорящего. В настоящее время можно уже говорить о терминологизации выражения *name-dropping*, которое вышло за пределы английского языка и вошло в другие языки как заимствование (ср. нем. *das Namedropping*, фр. *le name dropping*, рус. *нэймдроппинг/неймдроппинг*) В качестве краткой общегуманитарной дефиниции неймдроппинга нами была предложена следующая: *Неймдроппинг* это такой тип дискурсивного поведения, когда говорящий, желая подчеркнуть свою принадлежность к определенным (как правило, престижным) социальным кругам (референтным группам), походя (т.е. как бы случайно, мимоходом) упоминает значимые для этих групп имена и названия (Васильева, 2014: 229–230). Имена собственные, таким образом, выступают в роли «пропуска» говорящего в желанный круг, а при нахождении говорящего уже внутри этого круга – в роли «охранной грамоты». Неймдроппинг встречается в разных типах дискурса. В повседневном дискурсе он выполняет следующие функции.

а) самопрезентация в виде похвальбы с целью повышения собственного статуса в глазах собеседника.

б) функция речевого маркера корпоративности: неймдроппинг может использоваться для идентификации людей внутри некоторой социальной (микро)группы. Произнося в незнакомой компании определенные имена людей и названия вещей, говорящий старается обозначить свой круг и выявить среди присутствующих «своих».

в) расширение личной сферы говорящего. Понятие личной сферы говорящего, идущее от Ш. Балли и развитое Ю. Д. Апресяном (Апресян, 1995), имеет большое значение для ономастики. Одним из способов расширения личной сферы является называние кличками политиков, спортсменов и других известных людей, что происходит, естественно, заглазно. Мы используем для обозначения этого явления выражение *ономастическая контрабанда*: это как бы нелегальное «протаскивание» неофициального чужого имени в свою личную сферу.

В академическом (научном) дискурсе тоже существует «свой» нейм-дроппинг, который выполняет следующие функции.

а) функция псевдоверификации – перечисление известных фамилий вместо аргументов или доказательств.

б) как и в повседневном дискурсе, одной из функций неймдроппинга в академической среде является конструирование собственного образа, ведущее к выигрышной самоидентификации («Я и Соссюр»). В научной среде существует и свой корпоративный неймдроппинг в виде ритуала упоминания определенного списка имен.

в) функция экономии усилий: ср. распространившийся в последнее время в академической среде способ перечисления фамилий вместо аналитического обзора теорий (например, в автореферате). Более подробно о функциях неймдроппинга см. (Васильева, 2014).

В художественном дискурсе неймдроппинг внеположен оценке. Сам термин *неймдроппинг* применительно к поэтике является заслугой датского слависта Йона Кюста, описавшего с его помощью мир собственных имен Иосифа Бродского (Кюст, 2004). Благодаря этому исследователю, опубликовавшему свой труд по-русски, неймдроппинг вошел в русский язык как термин поэтики (правда, у Кюста еще в латинице) и тем самым стряхнул с себя негативные коннотации, которые он нес как общеповеденческий термин. В поэтике Иосифа Бродского, согласно Кюсту, неймдроппинг предстает как способ создания особого, вневременного поэтического пространства. С одной стороны, употребление мифологизированного (в других терминах – прецедентного) имени позволяет говорящему представить сюжет, связанный с этим именем, например, *Ариадна*, *Тезей*, *Одиссей*. С другой стороны, неймдроппинг позволяет показать собственную идентичность, т.е. создать образ говорящего, отразить собственное языковое сознание. В настоящее время, когда литература о прецедентных именах в России стала практически необозримой, взгляд Й. Кюста на то же самое, но с другой стороны, представляется интересным. В самом деле, когда исследуется набор преце-

дентных имен какого-либо текста/автора, то внимание обращается на то, какие (микро)нарративы (прецедентные тексты) оказываются сжатыми до имени, т. е. акцент делается *на содержании текстов*. Взгляд же на значимые имена как на неймдроппинг, т.е. взгляд Йона Кюста, позволяет сосредоточиться *на самом говорящем* – на характеристике голоса говорящего, на его идентичности, которую он формирует благодаря существованию таких отсылок, как СИ. Называя культурно значимое имя, мы указываем, во-первых, на наше знание его культурной значимости, во-вторых, на принадлежность к определенной референтной группе, для которой это знание важно. Таким образом, упоминание Бродским культурно значимых имен можно расценивать как речевое поведение, обозначающее принадлежность поэта к определенной социальной группе, а именно: к советской интеллигенции послесталинской эпохи (Кюст, 2004: 230–231).

Таким образом, суггестивный механизм одного из видов риторического приема перечисления, а именно: координативного перечисления собственных имен, может быть объяснен совокупностью нескольких факторов. Прежде всего, перечисление обладает способностью эмоционального воздействия на адресата сообщения как прием каталогизации. **Каталогизация** в любом из своих видов представляет собой ментальную операцию «наведения порядка», и в этой функции обладает суггестивным характером. На силу воздействия приема *enumeratio* оказывает влияние **референциальный статус** собственных имен, участвующих в перечислении (воплощенные vs. невоплощенные СИ). Для воплощенных СИ суггестивный эффект может быть усилен включением параметра **интертекстуальности**. В качестве отдельного вида перечисления имеет смысл рассматривать **неймдроппинг**, который, с одной стороны, связан с особым типом дискурсивного поведения, с другой стороны, может быть инструментом анализа поэтики произведения с акцентом на *образ автора* как носителя определенной культурной доминанты.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Апресян Ю. Д // Избранные труды. Т. 2. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 629–650.
2. Васильева, Н. Перечисление имен как дискурсивный прием / Н. Васильева // Onomastikas pētījumi / Onomastic Investigations. Vallijas Dambes 100. dzimšanas dienai veltītās konferences materiāli / Proceedings of the International Scientific Conference to commemorate the 100th anniversary of Vallija Dambe. – Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2014. – С. 228–240.
3. Васильева, Н. В. Ономастические импликатуры в интракультурной и межкультурной коммуникации / Н. В. васильева // Сусрети народа и култура. Међународни тематски зборник / People and Cultures in Contact. Thematic Collection of Papers of International Significance. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2015. – С. 351–360.
4. Калинин, В. М. Семантика имен и поэтика их перечислений / В. М. Калинин // Logos onomastike. 2009. – № 1 (3). – С. 70–83.
5. Кронгауз, М. А. Несчастный случай для одинокой домохозяйки / Кронгауз М. А. // Русский язык на грани нервного срыва. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2018. – С. 354–384.
6. Кюст, Й. Name-dropping: об одном поэтико-риторическом приеме в творчестве Иосифа Бродского (на материале «Школьной антологии») / Й. Кюст // Новое литературное обозрение, 2004. – № 67. – С. 224–232.
7. Пруст, М. В поисках утраченного времени: В сторону Свана / М. Пруст // На франц. яз. М.: Прогресс, 1976. – 438 с.
8. Пруст, М. По направлению к Свану; Под сенью девушек в цвету / М. Пруст // Пер. с фр. Н. Любимова. М. : Эксмо, 2010. – 303 с.
9. Федотова, К.С. Поэтика перечислений имен в произведениях Николая Гумилева / К. С. Федотова // Litera, 2017. – № 2. – С.149–159.
10. Харченко, В. К. Перечни, списки, каталоги в художественном тексте / В. К. Харченко // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. – № 3 (22). – С. 136–143.

11. Gardiner, A. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay / A. Gardiner. – 2nd ed. – London : Oxford Univ. Press, 1954. – 84 p.

12. Lamping, D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens / D. Lamping. – Bonn : Bouvier, 1983. – 135 s.

13. Lausberg, H. Elemente der literarischen Rhetorik / H. Lausberg. – 10. Aufl. – Ismaning : Hueber, 1990. – 169 s.

References

1. Apresjan, Ju. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira / Ju. D. Apresjan // Apresjan Ju.D. Izbrannye trudy. – T. 2. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1995. – S. 629–650.

2. Vasil'eva, N. Perechislenie imen kak diskursivnyj priem / N. Vasil'eva // Onomastikas pētījumi / Onomastic Investigations. Vallijas Dambes 100. dzimšanas dienai veltītās konferences materiāli / Proceedings of the International Scientific Conference to commemorate the 100th anniversary of Vallija Dambe. – Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2014. – S. 228–240.

3. Vasil'eva, N. V. Onomasticheskie implikatury v intrakul'turnoj i mezhkul'turnoj komunikacii / N. V. Vasil'eva // Susreti naroda i kultura. Mežunarodni tematski zbornik/ People and Cultures in Contact. Thematic Collection of Papers of International Significance. Kosovska Mitrovica: Filozofski fakultet Univerziteta u Prishtini, 2015. – S. 351–360.

4. Kalinkin, V. M. Semantika imen i pojetika ih perechislenij / V. M. Kalinkin // Logos onomastike, 2009. – № 1(3). – S. 70–83.

5. Krongauz, M. A. Neschastnyj sluchaj dlja odinokoj domohozjajki / M. A. Krongauz // Russkij jazyk na grani nervnogo sryva. – Izd. 4-e, ispr. i dop. – M. : Izdatel'stvo AST : CORPUS, 2018. – S. 354–384.

6. Kjust, J. Name-dropping: ob odnom pojetiko-ritoricheskom prieme v tvorcestve Iosifa Brodskogo (na materiale «Shkol'noj antologii») / J. Kiust // Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – № 67. – S. 224–232.

7. Prust, M. V poiskah utrachennogo vremeni: V storonu Svana / M. Prust // Na franc. jaz. – M. : Progress, 1976. – 438 s.

8. Prust, M. Po napravleniju k Svanu; Pod sen'ju devushek v cvetu / M. Prust // Per. s fr. N. Ljubimova. – M. : Jeksmo, 2010. – 303 s.

9. Fedotova, K. S. Pojetika perechislenij imen v proizvedenijah Nikolaja Gumileva / K. S. Fedotova // Litera, 2017. – № 2. – S.149–159.

10. Harchenko, V. K. Perechni, spiski, katalogi v hudozhestvennom tekste / V. K. Harchenko // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija, 2016. – № 3 (22). – S. 136–143.

11. Gardiner, A. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay / A. Gardiner. – 2nd ed. – London : Oxford Univ. Press, 1954. – 84 p.

12. Lamping, D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens / D. Lamping. – Bonn : Bouvier, 1983. – 135 s.

Lausberg, H. Elemente der literarischen Rhetorik / H. Lausberg. – 10. Aufl. – Ismaning : Hueber, 1990. – 169 s.

Л. А. Власова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел

А. В. Костенюкова

Средняя общеобразовательная школа № 5, Орел

ТЕКСТ АВТОМОБИЛЬНОЙ НАКЛЕЙКИ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

***Резюме.** Статья представляет собой исследование актуальной, мало-изученной в лингвистике темы и имеет цель выявить специфику текста автомобильной наклейки как средства коммуникации в пространстве города. Материалом исследования послужили около 120 текстов автомобильной наклейки, при характеристике которых использовался метод комплексного лингвистического анализа. В статье исследуется текст автомобильной наклейки как сегмент автомобильного сленга, описываются коммуникативные типы владельцев автомобилей с наклейками, характеризуются их коммуникативные отношения с другими участниками дорожного движения, выявляется смысловое содержание анализируемых текстов, характеризуется речевая и языковая форма высказываний.*

***Ключевые слова:** текст автомобильной наклейки, автомобильный сленг, средство коммуникации, тип речевого акта.*